

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 513-522. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.513
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Pre-Revolutionary Historiography of Religious Policy of the Mongolian Empire

Gulzhan S. Bedelova ^{a, *}, Kalkaman T. Zhumagulov ^a

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

Abstract

The article is a historiographical review of pre-revolutionary works on religious policy of the Mongolian empire. The authors note that, despite the scarcity of works and their peculiarity, pre-revolutionary historians managed to solve number of complex tasks: more or less objective view on religious policies of Mongol khans has appeared; due to the implementation of sources into scientific circulation the critical view on problems has appeared; an understanding has emerged that the relations between Mongol khans and conquered people were not unequivocal; more sensible view on activities of Mongol rulers has appeared, including in the field of religious politics. But, nevertheless, as the authors show, on some issues there is still no comprehensive answer: origins and causes of the attitude of Mongolian conquerors to denominations of conquered people, reasons for religious tolerance, influence of religion of medieval Mongols on the state policy of the Mongolian empire in relation to different denominations, and so on.

Historiography is divided into three groups by the authors: review studies; special works devoted to the study of sources; works of church authors. Based on the analysis, features of the evaluation of Mongolian religious policy were determined by researchers. The approach of pre-revolutionary scientists to this problem has been clarified. Pre-revolutionary conceptual approach has been characterized and comparative analysis of religious policy of Mongols in the modern period has been carried out. It is shown that the conclusions of pre-revolutionary authors became the base for subsequent works in this direction. The authors attempt to show the continuity of scientific views and those aspects of this problem that have yet to be revealed.

Keywords: religious policy, toleration, the Mongolian empire, historiography, pre-revolutionary period, denominations, oriental studies.

1. Введение

Монгольский вопрос всегда был актуальной темой для исследований. Известно, что в советское время значительное количество трудов касалось монгольских завоеваний, последствий этих событий. Сегодня круг исследований расширился, больше внимания уделяется проблемам внутренней, повседневной жизни улусов, культуре, социальным отношениям, влиянию Монгольской империи на подвластные государства, вопросам религии.

Монгольская империя была полиэтническим и многоконфессиональным государством. Религиозная терпимость монголов редкое явление для средневекового общества, и этим она уникальна. Поэтому данный вопрос сегодня занимает умы многих специалистов: историков, востоковедов, политологов и др. Но интерес к данной проблеме не возник только сейчас, она была рассмотрена и прежде дореволюционными российскими учеными. Ими сделаны первые шаги анализа, оценки религиозной политики монголов, истолкование и использование источников. Интересен концептуальный подход этих исследователей к данной проблеме. Обобщая и осмысливая

* Corresponding author

E-mail addresses: gulzhanbedelova@gmail.com (G.S. Bedelova),
Kalkaman.Zhumagulov@kaznu.kz (K.T. Zhumagulov)

опыт, накопленный этими выдающимися учеными, мы не только можем узнать степень разработанности, но и выяснить слабоизученные стороны этой проблемы.

2. Материалы и методы

Источниковую базу данной статьи прежде всего составляют историографические источники – труды дореволюционных российских исследователей. Вместе с тем для успешного решения вопроса автором были рассмотрены летописные источники, опыт работы ориенталистов, изучавших восточные источники. Все это позволило нам понять концептуальные выводы исследователей.

В решении исследовательских задач применялся принцип историзма, который позволяет сделать объективный комплексный анализ дореволюционной историографии. Его реализация дает возможность рассмотреть изменения во взглядах дореволюционных авторов, когда приращение знаний, открытие новых источников, изменение общественно-политической среды, философских систем побуждало историков менять суждения, корректировать прежние представления.

Все вышесказанное предполагает применение и других методов в их совокупности и взаимосвязи: проблемно-хронологического, системно-структурного, историко-логического, сравнительно-исторического. Они служат ключом в освещении важных аспектов русской дореволюционной историографии религиозной политики монгольской империи.

3. Обсуждение

Одной из широко исследуемых проблем в мировой истории до сих пор остается вопрос монгольских завоеваний в Евразии и история образовавшихся здесь государств в рамках громадной империи Монголов. В течение долгих лет исследований религиозная политика Монгольской империи также изучалась и освещалась, но очень прерывисто. Заметный интерес в данном вопросе нынешние историографы проявляют к изучению науки советской эпохи, взглядов евразийцев, не отдавая должного внимания трудам дореволюционного периода.

Дореволюционная историография разнообразна, не представляет собой единого целого. Мы рассмотрели ее, условно разделив на три группы: крупные обзорные исследования ([Карамзин, 1816](#); [Соловьев, 1993](#); [Ключевский, 1904](#)); специальные труды, посвященные исследованию, переводу источников ([Фишер, 1755](#); [Григорьев, 1842](#); [Березин, 1850](#); [Веселовский, 1916](#); [Тизенгаузен, 1884](#); [Бартольд, 1918](#); [Гомбоев, 1859](#)); работы церковных авторов ([Макарий, 1885](#); [Соловьев, 1894](#); [Голубинский, 1900](#); [Приселков, 1916](#)). Труды дореволюционных авторов стали фундаментом для последующих работ, мнения и гипотезы многих современных авторов тоже подвержены их влиянию. Но в науке советского периода было мнение о противоположности до и послереволюционной историографии, когда было принято считать, что «дворянско-буржуазные» исследователи не в состоянии понять суть освободительных войн народов против захватчиков и тем более оценить вклад простых людей в эту борьбу. Была и точка зрения, что русская дореволюционная историография, «оказавшаяся не в состоянии преодолеть свойственные буржуазной исторической мысли ограниченности, формализма и методологической слабости, не была в состоянии осилить такую важную задачу» ([Петрушевский, 1952: 12](#)). И это был ограниченный взгляд, не учитывающий весомый вклад предшествующих поколений историков в эту проблему.

Анализ дореволюционной историографии проводил А.Н. Насонов. Ученый рассматривал основные идеи историков по монгольскому вопросу ([Архив РАН](#)). Необходимо назвать в этом плане и работу А.Ю. Якубовского ([Якубовский, 1953](#)). Несмотря на то, что им тоже была сделана типичная советская оценка научных взглядов некоторых дореволюционных историков, в целом его труд остается наиболее полным и объективным исследованием. К наиболее подробным работам советского периода можно отнести труды В.В. Каргалова, Н.С. Борисова и др. ([Каргалов, 1967](#); [Борисов, 1976: 129-130](#)). Нужно отметить активизацию в последнее время исследований в данном направлении. Это монография К.А. Соловьева ([Соловьев, 2001](#)), труды таких современных историков, как О.В. Лушников, Ф.Ф. Мухаметов, Э.О. Борисова, Р.Ю. Почекаев и др. ([Лушников, 2009: 330-338](#); [Мухаметов, 2006](#); [Борисова, 2012](#); [Почекаев, 2009: 106-113](#)). Но, учитывая значимость данной темы, можно сказать, что ныне нет комплексной, обобщающей историографической работы, охватывающей историю религиозной политики монгольских государств, в том числе вопросы религиозной терпимости монгольских правителей.

4. Результаты

В дореволюционный период началом научного исследования монгольской проблематики считается рубеж XVIII–XIX вв., то есть время становления русской исторической науки. В дореволюционной историографии можно выделить крупные обзорные исследования М.М. Щербатова, Н.И. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского. Уже тогда российские историки особо отмечали заметную веротерпимость монгольских завоевателей. Первый российский историограф Н.М. Карамзин, в своей книге передает слова Плано Карпини: «Что касается до их Закона, то они веруют в Бога, Творца Вселенной, награждающего людей по их достоинству; но приносят жертвы идолам, сделанным из войлока или шелковой ткани, считая их покровителями

скота; обожают солнце, огонь, луну, называя оную великою царицею, и преклоняют колена, обращаясь лицом к Югу; славятся терпимостию и не проповедают Веры своей; однако ж принуждают иногда Христиан следовать обычаям Могольским» (Карамзин, 1816). Далее, рассказывая об освобождении монголами русского духовенства от уплаты налогов во время переписи Северо-Восточной Руси в 1257 г., их поступок он называет «хитростью, достойной замечания» и объясняет причины этого действия: «узнав же власть духовенства над совестью людей, вообще усердных к вере, моголы старались задобрить его, чтобы оно не возбуждало россиян противоборствовать игу татарскому и чтобы хан тем спокойнее мог повелевать нами» (Карамзин, 1993: 198).

Еще один классик русской исторической науки, С.М. Соловьев, на основе подробного анализа и сравнения свидетельств католических монахов Плано Карпини и Вильгельма Рубрука с восточными источниками, говорит о «необыкновенной терпимости... относительно чуждых вероисповеданий» монгольского великого хана. «Терпимость эта была предписана законом: в самом семействе хана были христиане; на собственном иждивении содержал он христианских духовных греческого исповедания, которые открыто отправляли свое богослужение в церкви, помещавшейся перед большою его палаткою», – писал историк. Далее пишет автор: «...Перед ханом Мангу совершали службу сперва христианские несторианские духовные, потом муллы магометанские, наконец языческие жрецы» (Соловьев, 1993а). Ученый указал на законодательный характер религиозной снисходительности завоевателей – «устав» Чингисхана, то есть «Ясу». «По уставу Чингисхана и Октая (Угедая), подтвержденному впоследствии, – пишет С.М. Соловьев, – служители всех религий были освобождены от платежа дани» (Соловьев, 1993б).

Авторы данных трудов не считали нужным изучать мелкие, как они считали, обстоятельства. В трудах историка В.О. Ключевского оценки монгольского периода не так уж расходились с его предшественниками (Ключевский, 1904).

В дореволюционной историографии существуют также специальные труды, направленные на изучение источников, а также истории Золотой Орды и возникших на ее основе государств (Фишер, 1755: 421-450). Данный период не выделяется особым многообразием исторических подходов к исследованию Орды. Тем не менее к концу XIX – началу XX вв. вследствие внедрения в общенаучное обращение значительного количества источников и формирования методов исторического исследования сложилось представление о том, что история монгольских завоеваний, Золотой Орды, тюркского мира, их внешняя политика намного обширнее, чем до этого полагалось.

Отмеченная нами проблема нашла свое значительное место в трудах блестящего российского востоковеда, первого руководителя кафедры истории Востока в Петербургском университете В.В. Григорьева. Ученый обосновал важное значение для изучения истории взаимоотношений Золотой Орды и Руси такого оригинального источника, как ярлыки золотоордынских ханов русскому духовенству. Анализируя содержание ярлыков, Григорьев пишет, что дают они русскому духовенству права и преимущества, освобождают от пошлин, даней и повинностей, митрополитам обеспечивается право суда и расправы над всем духовенством и подведомственными людьми, право распоряжаться церковным и монастырским имуществом. Говоря о политике правителей Золотой Орды по отношению к поработанным ими народам и их религиям, он акцентировал внимание на полной веротерпимости завоевателей. А за все эти преимущества, даруемые духовенству, ханы лишь просят возносить молитву за себя и благосостояние собственного семейства и племени, констатирует исследователь (Григорьев, 1842а: 27).

Ища причины веротерпимости монголов, В.В. Григорьев спрашивает себя о том, как правители Золотой Орды, исповедуя ислам, покровительствовали христианству, к тому же подчеркивал он, что все это делалось не только без выгоды, но и в ущерб ханской казне. Сравнивает ученый их отношение к вере с притеснениями христиан вообще в Азии со стороны мусульманства, приводит в пример русские летописи, где сказано о мученической смерти русских князей от рук тех же ханов за твердость в своей вере. Подвергает сомнению содержание ярлыков. Рассуждая о целях такой политики, он сомневается в существовании ярлыков во время монгольского владычества, говоря, что они могли появиться в более позднее время с целью подвинуть своих же царей на ту же высокую благосклонность, которая оказывалась со стороны ханов. Но, включая свой трезвый и объективный взгляд, ученый-ориенталист себе же отвечает «нет», доказывая это тем, что за много лет своего существования в целом духовенство России показало свою честность (Григорьев, 1842б: 30-31).

В России ярлыками пользовались и потом, после упадка монгольского владычества. Об этом также говорит В.В. Григорьев, подтверждая свои слова другими источниками. Карамзин и другие исследователи в своих трудах пытались растолковать такую религиозную политику монгольских ханов, но, как указывает Григорьев, «вместо того, чтобы отыскивать ее причины, их придумывали, вместо того, чтобы проникнуть основательно в сущность дела, ограничивались предположениями без доказательств и противоречили сами себе» (Григорьев, 1842с: 31-32).

Ученый предполагает, что причина покровительства, веротерпимости монголов политическая, то есть, учитывая влияние духовенства, церкви на народ, они предпочитали с ними дружить, превратив их в своих заступников. Но далее, сомневаясь в умственных способностях золотоордынских ханов, Григорьев отгоняет эту мысль и приходит к мнению, что такая умная, но в то же время простая

политика не могла прийти им в голову. По мнению Григорьева, из истории правления монголами Русью видно, что они не были хитрыми, дальновидными, потому как допускали элементарные ошибки: позволили усилиться московским князьям, способствовали соединению Руси, когда она была раздроблена. Он считает, что настоящая причина в другом: «отсутствие в них религии, а вследствие того и всякой религиозной ревности, величайшая веротерпимость и вместе с тем беспредельное суеверие» (Григорьев, 1842d: 32-33).

Ученый отмечает, что национальной религии у монголов не было, а поклонялись они «Высочайшему Существу, (которое, равно, как и небо, они означали словом Тенгри)» – и дальше продолжает Григорьев – «...у них был тот род религии, который некогда существовал у всех средне- и северо-восточных Азийских народов, и ныне называется шаманством, которого держатся еще и теперь все дикари северной Азии...» (Григорьев, 1842e: 34). Тут нужно сказать, что автор этих строк недооценил «черную религию» монголов, которая служила политико-религиозной идеологией для них. Это отмечают и современные исследователи: «Небо (Тенгри) – «безначальное, несотворенное, создатель всего сущего, владыка мира; оно определяет судьбы человека, санкционирует государственную власть» (Неклюдов, 1992: 171). О том, что важнейшей составляющей жизни монголов, их понимания окружающего мира являлась безусловная вера в сакральность, присущая этому миру, то есть пропитанность его неким божественным духом, говорит и Т.Д. Скрынникова (Скрынникова, 1997).

Историк-ориенталист Григорьев обращает внимание и на личность Чингисхана, называет его «чем-то вроде пророка» для соплеменников. В оценке ученого его приказы и слова были самыми святыми, почти религиозными догматами. Недооценивая ситуацию с шаманизмом или тенгрианством, ученый тем не менее указывает, что все предписания Чингисхана, основанные большей частью на древних обычаях и суевериях монголов, собраны были в одну книгу (имеется в виду Яса). Также он отмечает, что в соответствии с этими законами все преемники Чингисхана покровительствовали равно всем религиям. Приводя свидетельства путешественников и западных, и восточных, Григорьев пишет о диспутах, которые устраивали монгольские ханы, как они, придерживаясь одной религии, покровительствовали другой. Тщательно анализируя всю эту ситуацию, Григорьев заключает, что принятие религии было для них мерой политической, а не делом убеждения (Григорьев, 1842f: 41). На основе сравнительно-сопоставительного анализа различных источников историк выявляет следующие моменты: религия служила для них только средством для исполнения замыслов честолюбия. Законы Чингисхана (касательно веры тоже) пользовались слишком большим уважением, чтобы нарушать их (Григорьев, 1842g: 46). Таким образом, ученый приходит к мнению, что причина веротерпимости монгольских правителей – политическая, но не в том плане, что они дальновидные политики, а в том, что они имели законодательное основание (Ясу) для веротерпимости. Законодательное основание веротерпимости монгольских завоевателей подчеркивает, как мы уже отметили, и С.М. Соловьев, но Григорьев делает это более глубже.

Историк утверждает, что ханы Золотой Орды не были яркими приверженцами ислама, ярлыки, данные русскому духовенству, не были чем-то необыкновенным, исключительным, а было это проявлением общего закона толерантности в вере, покровительством всех вероисповеданий. В этой своей точке зрения он отмечает, что это предписание Чингисхана соблюдалось его потомками везде (Григорьев, 1842h: 53).

В связи с этим, согласно Григорьеву, можно заключить, что ключевым для понимания данных процессов является правитель монголов, в конкретном случае – Чингисхан (правда, прямо на это Григорьев не указывает), а все остальные его преемники просто исполнители его волю, слова, законы. И главной движущей силой разных процессов, в том числе и дальновидной, хитрой религиозной политики, является тоже он. Похожего мнения придерживается и современный историк Т.Д. Скрынникова, говоря о харизме Чингисхана (Скрынникова, 1997).

Ученый в своей книге раскрывает еще одну сторону проблемы, то есть гибель русских князей за веру при высокой веротерпимости монголов. Объясняет он это так: «... смертная казнь назначалась там наказанием за хулу всякой религии, а не одной христианской, следственно и за хулу магометанской. За что на примере замучен в Орде Роман Ольгович Рязанский? За то, что хулил закон Магометов, говорят летописи; по понятиям же Монголов, наказывать за хулу одной веры было совсем не то, что за приверженность к другой. Тут есть большая разница» (Григорьев, 1842i: 55-56). Таким образом, историк заключает, что убивали князей в Орде не за приверженность христианству, не из-за мусульманского фанатизма, а за то, что ослушались закона (не принижать и ругать другие религии), казнили их за политические преступления как изменников и бунтовщиков. Но при этом он также отмечает, что жертвы князей были благородными, были вызваны от большой любви к родине. Насчет грабежей монголами церквей и монастырей пишет: «Это имело место в военное время, во владениях ослушных князей, а когда надлежало наказывать ослушных, то, по Чингисовым же законам, Монголы ничего не должны были щадить» (Григорьев, 1842j: 57).

В доказательстве достоверности ярлыков, актов как источников заслуга В.В. Григорьева велика. Он одним из первых показал важность изучения этих источников для исследования разных сторон монгольского Средневековья, включая религиозную политику монголов. Потому как такие

исследования посвящены конкретным проблемам, то их исторические воззрения оказывались основательнее и подразумевали всесторонний, глубокий анализ большого количества мелочей, которые прежде никак не притягивали интерес исследователей. Эти труды дают понять причины определенных действий монгольских правителей.

Вместе с работами В.В. Григорьева особо выделяющимися являются специальные труды И.Н. Березина, которые относятся к устройству Улуса Джучи (Березин, 1850а). Исследовав и опубликовав ряд ярлыков золотоордынских ханов, отмечая их «как прекрасные источники для Истории Золотой Орды», Березин продемонстрировал великолепное знание данной темы, проанализировал внутреннюю структуру государства и сделал акцент на кочевом характере Золотой Орды. Касательно религии в примечаниях он пишет: «Гказы муфти-ларигга мышаиххъ суфи-ларигга». Это духовные мусульманские звания упоминаются в первый раз в ярлыке Узбека, где они переведены как «книжник, уставодержательник и учительный людской», по-видимому, с некоторыми изменениями. Несмотря на то, что мусульманские ханы Золотой Орды старались поддерживать веротерпимость, сообразно древнему вероучению монголов, мусульманское духовенство, по-видимому, пользовалось в Орде некоторыми особыми правами, потому что духовные лица ислама находятся, и притом на почетном месте, между должностями и званиями Золотой Орды. Так как в Орде было свое управление, то перевод титула «кази», означающего духовного судью, словом «книжник» в Узбековом ярлыке должен быть правилен, и звание кази в Золотой Орде давало право лишь на решение духовных дел, так как муфти должен был заботиться лишь о духовном наставлении своей паствы: вмешательство в общественные и политические события не видно и не допускалось» (Березин, 1851: 27).

Исследуя историю Золотой орды, Березин подходил к этому вопросу в соответствии с идеалистическими принципами методологии того времени. Историк рассмотрел первоначально строение государственного механизма, систему рангов. Научная прозорливость ученого позволила ему сделать несколько ценных обобщений, которые имели высокое научное внимание. Так, описывая общую таблицу ордынских чинов и податей на основе перевода тарханных ярлыков, данных ханами духовенству, Березин писал: «Обычай давать за услуги разные привилегии существовал во всех Чингизидских владениях, и о тарханах говорят все европейские путешественники, посещавшие монгольских императоров, именуя их баронами. На освобождение от податей и налогов давались особенные ярлыки, формою вообще сходные: сначала идет исчисление чинов, к которым Хан обращается с своею заповедью, а потом исчисляются тарханные привилегии. Русское духовенство постоянно получало от ордынских ханов тарханные ярлыки, коих подлинники утрачены, а сохранились лишь переводы». Далее говоря о последствиях монгольского влияния, историк пишет: «Обычай тарханных льгот перешел и в Россию: как на образец Русской тарханной грамоты можно указать на ружную грамоту Василия Иоанновича священно- и церковно-служителям Волоколамского Воскресенского собора, в которой исчисляются разные Русские подати и налоги... Начало уничтожения тарханных льгот в России сделано около 1549 года; при Федоре Иоанновиче повелено временное уничтожение. Алексей Михайлович отменил тарханство в 1672 г.; окончательно же тарханская льгота уничтожена в России Петром Великим» (Березин, 1850b: 5-6).

Историк полагал, что для наиболее углубленного представления золотоордынской истории, выявления сущности, обнаружения особенностей взаимоотношений кочевых и оседлых культур нужно последующее, детальное изучение этой темы. Работа Березина, невзирая на некоторые моменты, связанные с методологией, играют важную роль в развитии данной проблематики. Собранный и изученный ученым огромный фактический материал свидетельствует о его важном вкладе в науку в дореволюционный период.

Свою немалую лепту в эту проблему внес Н.И. Веселовский, исследовавший тему монгольского влияния. Известный ученый, работая в Петербургском университете, подготовил курс лекций о монгольских завоеваниях, написал статьи о религии монголов, для этого использовал источники, в частности русские летописи (Веселовский, 1916: 81-101; 1917). В этих трудах он, сопоставляя летописи и восточные источники, истолковал монгольский политизм. Религиозную политику монгольских ханов ученый толковал так: «освобождение русского духовенства, как и всякого другого, от податей и повинностей исходило у монгольских ханов из страха перед колдовством, которым обладали, по мнению монголов, все церковнослужители, почему и надо было их задобрить. Все церемонии при дворе ханов, обязательные для русских князей, основывались на шаманских верованиях» (Веселовский, 2010: 99). Данные работы были добротными, достаточно обоснованными, практически опирающимися на первоисточники, но, потому как были посвящены узкопрофильным темам, некоторое время не так уж широко были известны.

Огромный вклад в изучение истории Золотой Орды был сделан крупнейшим востоковедом, археологом, нумизматом В.Г. Тизенгаузенем. Составленный ученым «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» и сегодня остается наиболее ярким и полным изданием письменных источников (Тизенгаузен, 1884а).

Не желая ограничиваться только арабскими авторами, Тизенгаузен подготовил подборку извлечений и из персидских авторов средневекового периода, но это работа, пролежав долгое время в

архивах, вышла в свет только в 1941 году. Труд выдающегося ученого исключителен тем, что ранее такие работы просто не издавались. Понимая необходимость поиска и выявления еще большего количества источников по истории Золотой Орды, Тизенгаузен не соглашался с мнением В.В. Григорьева о том, что нет надежды на успех в дальнейших поисках новых материалов в этом направлении и только золотоордынская нумизматика может пролить свет на эти исследования (Тизенгаузен, 1884b: XIII). Сборники В.Г. Тизенгаузена и сегодня являются платформой, на которой строится любое исследование монгольской, золотоордынской истории как в нашей стране, так и за рубежом. Мотивируя современных исследователей к глубокому изучению данной темы, поиску и включению в научный оборот еще новых источников, двухтомник ученого опять доказывает свою уникальность.

К отмеченному нами периоду относятся фундаментальные труды В.В. Бартольда, который изучил большой массив арабских, персидских источников. Из числа трудов знаменитого ориенталиста, время работы которого относится на до- и послереволюционный период, можно выделить целый ряд исследований по нашей теме. Бартольд подходил к рассмотрению истории в контексте глобальных процессов, делал очень глубокие сравнительно-сопоставительные анализы, писал свои труды беспристрастно и добросовестно. В исследованиях ученого затрагивается вопрос о столкновении исламской цивилизации с монгольским фактором. Несколько статей В.В. Бартольда посвящены монгольской империи в Средневековье и ее ханам: Сартаку, Берке, Бату – вместе с тем значительный акцент он сделал на конфессиональную особенность данных правителей (Бартольд, 1918). В послереволюционных исследованиях ученый систематически касался вопроса конфессиональной жизни Орды и некоторых других монгольских государств (Бартольд, 1963).

Значительных достижений в исследовании темы религии достиг талантливый востоковед, этнограф Д. Банзаров. Его перу принадлежит объемный труд о монгольском шаманизме (Банзаров, 1955), его работы до сих пор остаются актуальными. Многие его теоретические формулировки получили высокую оценку. На его труды исследователи ссылаются и сейчас. Определенным хронологическим периодом исследование ученого не было разграничено, и тем не менее вполне допустимо использование его умозаключений касательно религии монголов XIII–XIV вв. Данные, которые ученый использовал в своих трудах, многообразны. Входят туда рукописи, этнографические наблюдения, письменные источники и др.

Банзаров высказал интересные мысли о происхождении шаманства: «Черная вера монголов произошла из того же источника, из которого образовались многие древние религиозные системы; внешний мир – природа, внутренний мир – дух человека, и явления того и другого – вот что было источником черной веры» (Банзаров, 1955a: 52). По мнению ученого, суть черной веры – это поклонение небу, земле, огню, онгонам, душам умерших людей. А функция шамана во всем этом быть «жрецом, врачом, и волхвом или гадателем» (Банзаров, 1955b).

Этнограф, крупный знаток жизни и быта монгольских народов Галсан Гомбоев, поясняя сведения итальянского францисканца Плано Карпини о некоторых монгольских обычаях и верованиях, в свою очередь сравнил их с обычаями современных бурятов и монголов (Гомбоев, 1859). Галсан Гомбоев стал известным ученым в одном из ключевых направлений развития монголоведения – изучении и переводе источников. Источники, с которыми работал ученый, позволяли ему рассматривать разные аспекты монгольской истории, что было свойственно ориенталистике первой половины XIX в.

Монгольский период в истории Руси была значимой темой и для русской церкви дореволюционного периода. Митрополит Макарий (Булгаков) в своем фундаментальном труде «История русской церкви» исследовал состояние церкви, духовенства, привилегии, данные русской церкви в эпоху монгольского владычества. Он отмечал, что монголы отличались веротерпимостью, так как руководствовались Ясой, «Книгой запретов». Грабеж и разорение церквей он объясняет тем, что это соответствовало их закону, понятиям о войне и никак не шло в противовес их веротерпимости в мирной жизни (Макарий, 1885: 116-119). Рассказывая о значении льгот, данных русской церкви монгольскими ханами, Макарий подчеркивает: «И если монгольские ханы в своих ярлыках русскому духовенству предоставляли льготы и нашим монастырям, то отнюдь не новые, которыми бы прежде они не пользовались» (Макарий, 1886).

Свою лепту в расширение данной темы внес священник Н.А. Соловьев. В своем труде об истории Сарайской и Крутицкой епархии, он, обращая внимание на данные русских источников о сарайских епископах, определяет период их властвования (Соловьев, 1894). Его труд является наиболее подробным исследованием по истории Сарайской епархии, остающийся таким и поныне.

Замечательный ученый, историк Е.Е. Голубинский в своем труде «История русской церкви» подробно остановился на истории взаимоотношений правителей Золотой Орды и русской церкви. Е.Е. Голубинский в своем труде так же, как и В.В. Григорьев, отмечает, что во время войны со стороны монголов государство терпело огромные бедствия и церковь в этом плане не была исключением. Но после завоевания ситуация изменилась: монголы стали к вере и духовенству русских очень терпимы. «Таким образом», – заключает он, – «этот Бич Божий (Чингисхан), обрушившийся на наше отечество, не явился по крайней мере бичом для церкви» (Голубинский, 1900a: 17). Ученый

правильно раскрыл и то, что в терпимости монголы не делали исключения русской вере, политика монголов была одинакова к вере любого покоренного народа. Крайне интересными являются рассуждения Голубинского о причинах веротерпимости монгольских правителей, он отмечает три: 1. Монголы являются язычниками, а потому верят, что все религии одинаковы и исходят от одного бога. 2. Вторая причина политическая. То есть, глубокая убежденность Чингисхана в своей богоизбранности для покорения всего мира и создания единого государства. А в этом едином государстве не должно было быть религиозного недружелюбия, и утверждалась это Ясой. Преемники Чингисхана, соблюдая эту политику, не только проявляли терпимость, но и вели себя так, что последователи каждой веры считали, что они на их стороне. 3. Третья причина – суеверие. Считали, что шаманы обладают сверхъестественными силами, как и все служители всяких разных вер. Поэтому, уважая и где-то даже боясь их, старались умиловить и всячески показать, что принадлежат ко всем конфессиям (Голубинский, 1900b: 19-20).

Ученый привел свое объяснение ханских ярлыков, которые являются очень значимыми в исследовании этой темы. Нужно сказать, что такие труды сбрасывать со счетов никак нельзя. Безусловно, в них содержатся недочеты, свойственные тому времени, но это основательные работы, в которых задействован огромный пласт источников, и пользоваться ими необходимо.

Из числа работ дореволюционного периода следует отметить солидный труд М.Д. Приселкова, посвященный такому немаловажному вопросу, как ярлыки золотоордынских правителей русским митрополитам. Проведя глубокий анализ текстов и источниковедческую оценку, ученый ввел в научный оборот этот своеобразный, весьма непростой документ (Приселков, 1916a). Им была разработана грамота Менгу-Тимура, данная безымянному митрополиту. Эта грамота, как пишет автор, разъясняет положение церкви в отношении ханской власти. Приселков сообщает: «Он (Менгу-Тимур) признал неприкосновенность церковных недвижимостей с требованием к своим чиновникам о возвращении захваченного...; под страхом смерти оградил от хулы веру и предметы культа от порчи и захвата; определил точный состав церковного общества, освобожденного от повинностей; ...Грамота заключена ссылкой на «великую ясу», по которой нарушителям церковных льгот, какое бы высокое положение они ни занимали, грозит смерть» (Приселков, 1916b: 85).

Рассказывая о преимуществах, данных монгольскими ханами церкви, М.Д. Приселков считает, что это во многом не могло защитить церковь от нападков светских владетелей, а все это вело в свою очередь к борьбе между митрополитами и князьями, которые пытались периодически захватить богатства церкви (Приселков, 1916c: 35-36).

Невзирая на немногочисленность трудов и их специфичность, можно сказать, что дореволюционным историкам удалось решить ряд сложных задач: сформировался более или менее объективный взгляд на религиозную политику монгольских ханов; в связи с внедрением в научный оборот большого количества разных источников сформировался критический взгляд на проблему; возникло понимание того, что взаимоотношения монгольских ханов с покоренными народами не были однозначными; появились методы изучения истории (позитивизм); сложился более спокойный взгляд на деятельность монгольских правителей, в том числе и в области религиозной политики. Но тем не менее по некоторым вопросам данной проблемы до сих пор нет исчерпывающего ответа: истоки и причины отношения монгольских завоевателей к конфессиям покоренных народов, причины веротерпимости, роль Ясы в этом вопросе как законодательной базы, влияние религии средневековых монголов на государственную политику Монгольской империи в отношении к различным конфессиям и т.д.

5. Заключение

Таким образом, дореволюционная историография разнообразна, не представляет собой единого целого. Мы рассмотрели ее, условно разделив на три группы: обзорные исследования; специальные труды, посвященные исследованию, переводу источников; работы церковных авторов. Проанализировав данные работы, определили особенности оценки монгольской религиозной политики исследователями. Выяснили подход дореволюционных ученых к проблеме. Охарактеризовали дореволюционный концептуальный подход и провели сравнительный анализ религиозной политики монголов в современный период. Умозаключения дореволюционных авторов стали фундаментом для последующих трудов в этом направлении, мнения и гипотезы многих современных авторов тоже подвержены влиянию этих работ. Поэтому мы попытались показать преемственность научных воззрений и те аспекты данной проблемы, которые предстоит еще раскрыть.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет программно-целевого финансирования Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН РК) (BR05233709 «История и культура Великой степи»).

Литература

Архив РАН – Архив Российской академии наук. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 92. Тезисы к диссертации А.Н. Насонова «Монголы и Русь. История татарской политики на Руси».

- Банзаров, 1955** – *Банзаров Д.* Черная вера или шаманство у монголов / Собрание сочинений. Москва, 1955.
- Бартольд, 1918** – *Бартольд В.В.* Культура мусульманства. Общий очерк. Петроград, 1918.
- Бартольд, 1963** – *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Writings*. Т. 1. Москва, 1963.
- Березин, 1850** – *Березин И.Н.* Внутреннее устройство Золотой Орды: (по ханским ярлыкам). СПб., 1850.
- Березин, 1851** – *Березин И.Н.* Тарханные ярлыки Тохтамышша, Тимур-Кутлука и Салдет-Гирея. Казань, 1851.
- Борисов, 1976** – *Борисов Н.С.* Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру // *Проблемы истории СССР*. Москва, 1976. Вып. V. С. 129-130.
- Борисова, 2012** – *Борисова Э.О.* Культ обоо в трудах отечественных исследователей // *Современные научные исследования: электронный научный журнал*. 2012. № 10.
- Веселовский, 1916** – *Веселовский Н.И.* Рецензия на книгу М.Д. Приселкова «Ханские ярлыки русским митрополитам» // *Журнал Министерства народного просвещения*. Петроград, 1917. № 3-4.
- Веселовский, 2010** – *Веселовский Н.И.* О религии татар по русским летописям // *Труды по истории Золотой Орды*. Казань, 2010.
- Голубинский, 1900** – *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1900.
- Гомбоев, 1859** – *Гомбоев Г.* О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини // *Труды Восточного отделения Имп. Археологического общества*. СПб., 1859. Ч. 4. Вып. 1. С. 236-256.
- Григорьев, 1842** – *Григорьев В.В.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. Историко-филологические исследования. Москва, 1842.
- Карамзин, 1816** – *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 4. Гл. 1. СПб., 1816.
- Карамзин, 1993** – *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Москва, 1993.
- Каргалов, 1967** – *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития Феодальной Руси. Москва, 1967.
- Ключевский, 1904** – *Ключевский В.О.* Курс русской истории. СПб., 1904.
- Лушников, 2009** – *Лушников О.В.* Монгольская империя в историографии XVIII–XX вв. Казань, 2009. 116 с.
- Макарий, 1885** – *Макарий* (Булгаков М.П.). История русской церкви. В период постепенного перехода ее к самостоятельности 1240–1589. Т. IV. СПб., 1885.
- Макарий, 1885** – *Макарий* (Булгаков М.П.). История русской церкви. В период монгольский. Т. V. СПб., 1886.
- Мухаметов, 2006** – *Мухаметов Ф.Ф.* Отечественная историография монгольских завоеваний и Золотой Орды (XIII–XIV вв.). Челябинск, 2006.
- Неклюдов, 1992** – *Неклюдов С.Ю.* Монгольских народов мифология // *Мифы народов мира: Энциклопедия*. Т. 2. Москва, 1992.
- Петрушевский, 1952** – *Петрушевский И.П.* Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. М.-Л., 1952.
- Почакаев, 2009** – *Почакаев Р.Ю.* Вторая империя Монголов: притязания и действительность // *Монгольская и российская историография Великой Монгольской империи*. Улан-Батор, 2009. С. 106-113.
- Приселков, 1916** – *Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.
- Скрынникова, 1997** – *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. Москва, 1997.
- Соловьев, 1894** – *Соловьев Н.А.* Сарайская и Крутицкая епархии. Материалы, собранные священником Н.А. Соловьевым // *Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских*. 1894. Кн. 3. С. 1-226.
- Соловьев, 1993** – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 3. Гл. 2. Москва, 1993.
- Соловьев, 2001** – *Соловьев К.А.* Дело власти: отечественные истории о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси (IX – перв. пол. XV вв.). Москва, 2001.
- Тизенгаузен, 1884** – *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. 1. XVI. СПб., 1884.
- Фишер, 1755** – *Фишер И.* О народе и имени татарском, также о древних Могольцах и их языке // *Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие*. СПб., 1755. С. 421-450.
- Якубовский, 1953** – *Якубовский А.Ю.* Из истории изучения монголов периода X–XIII вв. Москва, 1953.

References

- Arkhiv RAN** – Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk. [Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 1547. Op. 1. D. 92. Abstracts for the thesis of A.N. Nasonov «Mongols and Rus. The history of the Tatar policy in Russia». [in Russian]
- Banzarov, 1955** – *Banzarov D.* (1955). Chernaya vera ili shamanstvo u mongolov [Black faith or shamanism among the Mongols]. Sobranie sochinenii. M. [in Russian]

- Bartol'd, 1918** – *Bartol'd V.V.* (1918). Kul'tura musul'manstva. Obshchii ocherk. [Culture of Islam. General essay]. Petrograd. [in Russian]
- Bartol'd, 1963** – *Bartol'd V.V.* (1963). Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya [Turkestan in the era of the Mongol invasion]. Sochineniya. T.1. M. [in Russian]
- Berezin, 1850** – *Berezin I.N.* (1850). Vnutrennee ustroistvo Zolotoi Ordy: (po khanskim yarlykam). [The internal structure of the Golden Horde: (according to Khan labels)]. SPb. [in Russian]
- Berezin, 1851** – *Berezin I.N.* (1851). Tarkhanye yarlyki Tokhtamysha, Timur-Kutluka i Saldet-Gireya. [Tarkhan labels of Tokhtamysh, Timur-Kutluk and Saldet-Giray]. Kazan'. [in Russian]
- Borisov, 1976** – *Borisov N.S.* (1976). Otechestvennaya istoriografiya o vliyani tataro-mongol'skogo nashestviya na russkuyu kul'turu [National historiography on the influence of the Tatar-Mongol invasion on Russian culture]. Problemy istorii SSSR. M. Vyp. V. pp. 129-130. [in Russian]
- Borisova, 2012** – *Borisova E.O.* (2012). Kul't obooo v trudakh otechestvennykh issledovatelei [Cult obo in the writings of national researchers]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal* №10. [in Russian]
- Fisher, 1755** – *Fisher I.* (1755). O narode i imeni tatarskom, takzhe o drevnikh Mogol'tsakh i ikh yazyke [On the people and the name of the Tatar, as well as the ancient Mogolians and their language]. Ezhemesyachnye sochineniya k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie. SPb. pp. 421-450. [in Russian]
- Golubinskii, 1900** – *Golubinskii E.E.* (1900). Istoriya russkoi tserkvi [History of the Russian Church]. T. 2. Ch. 1. SPb. [in Russian]
- Gomboev, 1859** – *Gomboev G.* (1859). O drevnikh mongol'skikh obychayakh i sueveriyakh, opisannykh u Plano-Karpini [About the ancient Mongol customs and superstitions described in Plano-Carpini]. Trudy Vostochnogo otdeleniya Imp. Arkheologicheskogo obshchestva. SPb., 1859. Ch. 4. Vyp. 1. pp. 236-256. [in Russian]
- Grigor'ev, 1842** – *Grigor'ev V.V.* (1842). O dostovernosti yarlykov, dannykh khanami Zolotoi Ordy russkomu dukhovenstvu. Istoriko-filologicheskie issledovaniya. [On the credibility of the labels given by the khans of the Golden Horde to the Russian clergy. Historical and philological studies]. M. [in Russian]
- Karamzin, 1816** – *Karamzin N.M.* (1816). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of Russian Government]. T.4. Gl. 1. SPb. [in Russian]
- Karamzin, 1993** – *Karamzin N.M.* (1993). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of Russian Government]. M. [in Russian]
- Kargalov, 1967** – *Kargalov V.V.* (1967). Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya Feodal'noi Rusi. [Foreign policy factors of development of Feudal Russia]. M. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1904** – *Klyuchevskii V.O.* (1904). Kurs russkoi istorii. [Russian history course]. SPb. [in Russian]
- Lushnikov, 2009** – *Lushnikov O.V.* (2009). Mongol'skaya imperiya v istoriografii XVIII–XX vv. [Mongolian empire in historiography of the XVIII – XX centuries]. Kazan'. 116 p. [in Russian]
- Makarii, 1885** – *Makarii* (Bulgakov M.P.). (1885). Istoriya russkoi tserkvi. V period postepennoogo perekhoda ee k samostoyatel'nosti 1240–1589. [History of the Russian Church. In the period of its gradual transition to independence 1240–1589]. T. IV. SPb. [in Russian]
- Makarii, 1885** – *Makarii* (Bulgakov M.P.). (1885). Istoriya russkoi tserkvi. V period mongol'skii. [History of the Russian Church. In the Mongolian period]. T. V. SPb. [in Russian]
- Mukhametov, 2006** – *Mukhametov F.F.* (2006). Otechestvennaya istoriografiya mongol'skikh zavoevanii i Zolotoi Ordy (XIII-XIV vv.) [National historiography of the Mongol conquests and the Golden Horde (XIII-XIV centuries)]. Chelyabinsk. [in Russian]
- Neklyudov, 1992** – *Neklyudov S.Yu.* (1992). Mongol'skikh narodov mifologiya [Mongolian peoples mythology]. Mify narodov mira: Entsiklopediya. T. 2. M. [in Russian]
- Petrushevskii, 1952** – *Petrushevskii I.P.* (1952). Rashid ad-Din. Sbornik letopisei. [Rashid ad-Din. Collection of chronicles]. T. 1. M.- L. [in Russian]
- Pochekaev, 2009** – *Pochekaev R.Yu.* (2009). Vtoraya imperiya Mongolov: prityazaniya i deistvitel'nost' [The Second Empire of the Mongols: Claims and Reality]. Mongol'skaya i rossiiskaya istoriografiya Velikoi Mongol'skoi imperii. Ulan-Bator, pp. 106-113. [in Russian]
- Priselkov, 1916** – *Priselkov M.D.* (1916). Khanskie yarlyki russkim mitropolitam [Khan labels to Russian metropolitans]. Pg. [in Russian]
- Skrynnikova, 1997** – *Skrynnikova T.D.* (1997). Kharizma i vlast' v epokhu Chingis-khana [Charisma and power in the era of Genghis Khan]. M. [in Russian]
- Solov'ev, 1894** – *Solov'ev H.A.* (1894). Saraiskaya i Krutitskaya eparkhii. Materialy sobrannye svyashchennikom N.A. Solov'evym [Saray and Krutitsy dioceses. Materials collected by priest N.A. Solovyov]. Chteniya v Obshchestve Istorii i Drevnostei Rossiiskikh Kn. 3. pp. 1-226. [in Russian]
- Solov'ev, 1993** – *Solov'ev S.M.* (1993). Istoriya Rossii s drevneishikh vremen [History of Russia since ancient times]. T. 3. Gl. 2. M. [in Russian]
- Solov'ev, 2001** – *Solov'ev K.A.* (2001). Delo vlasti: otechestvennye istoriki o vlastnykh otnosheniyakh v Drevnei i Srednevekovoi Rusi (IX – perv. pol. XV vv.). [The case of power: Russian historians about power relations in Ancient and Medieval Russia (9th-first half of the 15th centuries)]. M. [in Russian]

Tizengauzen, 1884 – *Tizengauzen V.G.* (1884). Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy. Izvlecheniya iz sochinenii arabskikh. [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde. Extracts from Arab writings]. T.1. XVI. SPb. [in Russian]

Veselovskii, 1916 – *Veselovskii N.I.* (1917). Retsenziya na knigu M.D. Priselkova «Khanskie yarlyki russkim mitropolitam» [Book review md Priselkova "Khan labels to Russian metropolitans"]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Petrograd, № 3-4. [in Russian]

Veselovskii, 2010 – *Veselovskii N.I.* (2010). O religii tatar po russkim letopisyam [On the religion of the Tatars in the Russian chronicles]. *Trudy po istorii Zolotoi Ordy*. Kazan'. [in Russian]

Yakubovskii, 1953 – *Yakubovskii A.Yu.* (1953). Iz istorii izucheniya mongolov perioda X-XIII vv. [From the history of the study of the Mongols of the period X-XIII centuries]. M. [in Russian]

Русская дореволюционная историография религиозной политики монгольской империи

Гульжан Сейдуалиевна Беделова ^{a,*}, Калкаман Турсунович Жумагулов ^a

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан

Аннотация. Статья представляет собой историографический обзор дореволюционных трудов, посвященных религиозной политике монгольской империи. Авторы отмечают, что, невзирая на немногочисленность трудов и их специфичность, дореволюционным историкам удалось решить ряд сложных задач: сформировался более или менее объективный взгляд на религиозную политику монгольских ханов; в связи с внедрением в научный оборот источников сформировался критический взгляд на проблему; возникло понимание того, что взаимоотношения монгольских ханов с покоренными народами не были однозначными; сложился более спокойный взгляд на деятельность монгольских правителей, в том числе в области религиозной политики. Но тем не менее, как показывают авторы, по некоторым вопросам до сих пор нет исчерпывающего ответа: истоки и причины отношения монгольских завоевателей к конфессиям покоренных народов, причины веротерпимости, влияние религии средневековых монголов на государственную политику Монгольской империи в отношении к различным конфессиям и т.д.

Историография автором условно разделена на три группы: обзорные исследования; специальные труды, посвященные изучению источников; работы церковных авторов. На основе анализа определены особенности оценки монгольской религиозной политики исследователями. Выяснен подход дореволюционных ученых к данной проблеме. Охарактеризован дореволюционный концептуальный подход и проведен сравнительный анализ религиозной политики монголов в современный период. Показано, что умозаключения дореволюционных авторов стали фундаментом для последующих трудов в этом направлении. Сделана попытка показать преемственность научных воззрений и те аспекты данной проблемы, которые предстоит еще раскрыть.

Ключевые слова: религиозная политика, веротерпимость, монгольская империя, историография, дореволюционный период, конфессии, востоковедение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gulzhanbedelova@gmail.com (Г.С. Беделова),
Kalkaman.Zhumagulov@kaznu.kz (К.Т. Жумагулов)